
«...Бирюза обозначает радость, сардоникс привлекает серафимов, топаз — херувимов, яспис — державы, хризолит — владения, сапфир — добродетели, оникс — власть, берилл — первенство, рубин — архангелов и изумруд — ангелов...»

*Умберто Эко. «Имя розы»
Перевод Елены Костюкович*

— Ксения Сан-Дonato должна умереть!
— Мне это понятно.
— Вот и отлично! Приступайте к выполнению своих обязанностей. И запомните — никаких осечек!
— Не стоит волноваться — обещаю вам, не пройдет двух недель — и Ксения будет мертва. Газеты в очередной раз сообщат, что проклятие рода Сан-Дonato снова дало о себе знать.
— Мне всегда было известно, что на вас можно положиться!

Ксения ненавидела свой день рождения. Ведь в ту среду, когда ей исполнилось восемь, погибли родители. Этот день навсегда врезался в ее память. Небывалая жара сменилась раскатистыми грозами и ливнями — в Коста-Бьянку пришел сезон ураганов. Родители должны были прилететь из Венесуэлы, где отец присутствовал на правительственных переговорах по личной просьбе президента. Мама редко сопровождала его, но в тот раз она отправилась в Каракас, чтобы открыть детский приют, выстроенный на пожертвования их семьи.

Они хотели взять с собой Ксению, но в последний момент передумали: девочка раскапризничалась, она требовала, чтобы родители никуда не уезжали, и гувернантке пришлось приложить невероятные усилия, чтобы успокоить ее. Мама, обняв и прижав к себе Ксению, поцеловала дочь и с улыбкой сказала:

— Мы вернемся завтра утром. Ты ведь знаешь, что завтра за день?

Конечно же, Ксения знала. Она ждала той среды, считая до нее дни. Ей исполнится восемь! Ей удалось узнать от гувернантки, строгой, но милой француженки, что родители готовят ей сюрприз. Она так хотела побывать в цирке — цирке, где публику веселят задорные клоуны, на арене тешат публику дрессированные собачки и смелые акробаты совершают головокружительные трюки под самым куполом.

Она ни разу до этого не была в цирке. Жизнь Ксении отличалась от жизни ее сверстников. Только потом, после гибели родителей, она поняла, что является наследницей огромного состояния и в один прекрасный день станет главой могущественной корпорации. Тогда же ей казалось вполне нормальным, что они обитают в старинном особняке в Эльпараисо или отправляются в джунгли, где располагался небольшой замок, на самолете или вертолете.

У Ксении имелась комната, полная дорогих игрушек, воспитание девочки было доверено гувернанткам — сначала даме с русскими корнями (родители хотели, чтобы их единственная дочь знала язык предков), затем англичанке и француженке. Ксения привыкла, что обедать приходилось в просторном зале за столом, где им прислуживал расторопный молчаливый дворецкий; она понятия не имела, что у обычных людей нет ничего подобного: ни личного бассейна, где они могли бы плескаться весь день напролет, ни собственного кинотеатра, где демонстрировались все новинки мирового кинематографа, ни гардеробной комнаты, забитой нарядами.

Ксения не понимала, почему родители не разрешали ей отправиться в цирк. Она умоляла их, требовала и под конец пустила в ход проверенное средство — слезы. Но даже это не помогло. И вот гувернантка под страшным секретом сообщила ей, что мама и папа пригласили цирк к ним домой!

Она никак не могла дождаться того дня. Ксении казалось, что еще ни разу она не ожидала собственного дня рождения с таким нетерпением. Поэтому и поездке родителей в Венесуэлу она не придавала большого значения. Ксения уже привыкла к тому, что ее отца часто показывают по телевидению, а фотографии ее мамы регулярно появляются в светских журналах.

Утром, после того как Ксения проснулась и позавтракала (в порядке исключения ей разрешили не спускаться в столовую, а гувернантка принесла ей завтрак — кусок кремового торта и чашку какао в спальню), позвонили родители. Мама сказала ей, что, когда они вернутся в Коста-Бьянку, дочь ожидает сюрприз.

— Ты давно этого хотела, Ксения, — услышала девочка в телефонной трубке ласковый голос. — К нам приедет цирк!

Значит, это правда! Мама добавила, что они вылетят из Каракаса через полчаса, то есть через три часа они придут в Эльпараисо. Всего три часа, и тогда начнется ее праздник!

Три часа пролетели незаметно, и Ксения ждала, что вот-вот откроется дверь и на пороге покажутся родители — седеющий отец и элегантная мама. Девочка была в своей комнате и читала «Алису в Стране чудес». То и дело Ксения посматривала в окно — погода внезапно испортилась, как это часто бывает в Эльпараисо, когда наступает сезон дождей. Им повезло, что столица располагается на побережье, до нее доносились лишь отголоски того урагана, который бушевал над джунглями.

Несколько раз в детскую заглядывала гувернантка, и Ксения бросалась к ней с вопросом о том, не прилетели ли родители. От аэропорта корпорации до их эльпараисского особняка было не больше четверти часа на машине. Гувернантка качала головой и заявляла, что самолет вот-вот сядет: из-за плохой погоды связь с ним прервалась.

Ксения, облаченная в легкое бальное платье, которое было сшито специально к ее дню рождения, предвкушала предстоящий праздник. Она знала, что циркачи уже прибыли, они расположились в зале для приемов. Гувернантка сообщила, что приехали и родственники: дядя Николас, брат отца, и его супруга тетя Ингрид с Рудольфом, их капризным и избалованным сыночком, кузенком Ксении. Ксения не любила Рудольфа, тот обожал демонстрировать силу и часто намеренно обижал свою двоюродную сестру. Потом приехала эксцентричная тетя Агата, папина сестра, со своей дочуркой Эрикой. Ксения завидовала Эрике — ее мама была художницей, и они жили в большой квартире, заставленной незаконченными шедеврами, творцом которых была тетя Агата.

В комнату к девочке проникла Эрика — такая же взбалмошная и растрепанная, как и ее матушка. Кузина нравилась Ксении, и они живо принялись обсуждать то, что их ждет во время циркового представления.

— Так когда же прилетят твои родители? — спросила Эрика. Она была на два месяца младше Ксении.

Ксения взглянула на часы. Мама никогда не нарушала своих обещаний. Стрелки показывали половину второго, прошло уже больше пяти часов, а самолет с родителями все еще не приземлился.

О том, что произошло нечто непредвиденное, Ксения стала подозревать через час. Дверь в детскую приоткрылась, возникла тетя Агата — в платье, больше похожем на цветастый балахон, с орхидеями в волосах и массой колышающихся амулетов вокруг шеи.

— Эрика, выйди на минутку, прошу тебя, — промурлыкала тетка.

Ксения спросила, не совершил ли посадку самолет с родителями. Этот невинный вопрос испугал тетю Агату. Она в страхе посмотрела на племянницу и, пробормотав что-то невразумительное, закрыла дверь.

— Я сейчас вернусь, — сказала Эрика и вышла из комнаты. Больше в тот день Ксения кузину не видела. Несколько минут спустя Ксения распахнула дверь и выглянула в коридор — она заметила двух служанок, которые о чем-то перешептывались. Девушки как по команде замолкли, когда увидели юную госпожу.

Ксения спустилась на первый этаж — в малой гостиной она застала нервную тетю Агату, которая пила кофе, дядю Николаса и тетю Ингрид.

— Дорогая моя девочка! — воскликнула тетя Ингрид и всплеснула руками. Ксения знала: если тетка так ведет себя, значит, что-то случилось. Ее супруг пускал сизые клубы дыма из трубки и прихлебывал коньяк.

— Где мои родители? — произнесла Ксения. — Это что, такой сюрприз? Они должны давно быть дома!

Тетя Ингрид попыталась обнять племянницу, но Ксения отшатнулась. Дядя Николас кашлянул и произнес:

— Поверь нам, Ксения, мы тоже обеспокоены тем... тем, что самолет с твоими родителями все еще не призем-

лился. Из-за неблагоприятных погодных условий связь с ним прервалась, когда они вошли в грозовой фронт. Я только что говорил с Каракасом, они вылетели пять с половиной часов назад.

Ксения не слушала дядьку. Тот умел доступно объяснять любые вещи, но Ксении было не до этого. Она чувствовала: случилось непредвиденное, и ее родственники стараются скрыть от нее правду.

— Ксения, родители приготовили тебе сюрприз, — заявила тетя Ингрид. — Чудесное цирковое представление, специально для тебя! Рудольф, проводи кузину в зал для приемов!

Неловкий светловолосый мальчик, двоюродный брат Ксении, поднялся из глубокого кресла. Ксения прошептала:

— Я не хочу никакого цирка! Скажите мне, где мои родители!

Тетя Агата бросилась к племяннице, бормоча что-то утешительное и внося в сложившуюся ситуацию еще больше неразберихи.

Дядя Николас поставил бокал с коньяком на стол и, смотря Ксении прямо в глаза, произнес:

— Ты меня знаешь, Ксения, я предпочитаю горькую правду сладкой лжи. Тебе сегодня исполнилось восемь лет, и ты достаточно большая для того, чтобы с тобой говорили, как со взрослой. Мы все очень обеспокоены тем, отчего самолет с твоими родителями все еще не в столице. Не исключено, что он из-за тайфуна был вынужден совершить аварийную посадку где-нибудь в труднодоступном районе джунглей. Вероятнее всего, именно так и произошло. Они не могут связаться с нами, но их найдут.

И тут хлынул ливень. По окнам малой гостиной забарабанили капли, которые сменились хлесткими гремящими струями. Внезапно потемнело, тетя Агата велела прислуге зажечь свет.

— С ними все будет в порядке, — добавила тетя Ингрид. Когда она волновалась, то сбивалась на родной шведский, и Ксения не могла понять, что же именно тетка хочет сказать. Тетя Агата подошла к девочке и поцеловала ее.

— А теперь отправляйся в зал для приемов, — распорядился дядя Николас.

Ксения попыталась возразить, но дядька, сурово взглянув на нее, заявил:

— Ксения, с твоими родителями все в порядке. Они хотели сделать тебе сюрприз, и ты не имеешь права разочаровывать их. Уверен, что еще до того, как представление закончится, они вернутся в Эльпараисо!

Слова дяди Николааса оказали на Ксению магическое воздействие. Она отчего-то уверилась, что, когда представление подойдет к концу, она вернется в гостиную, где услышит мелодичный смех мамы и низкий голос отца.

Представление, которое дали циркачи, было чарующим. Ксения забыла о том, что ее волновало.

В гостиной она застала тетю Ингрид и тетю Агату. Когда девочка вошла, обе женщины смолкли. Ксении показалось, что она расслышала слова: «Безнадежная ситуация» и «Так жаль Ксению».

Ксении не потребовалось ничего и спрашивать, чтобы понять: самолет с родителями так и не нашелся. Как изпод земли возникла гувернантка. Тетя Агата попросила ее отвести Ксению в детскую.

— Я не хочу! — крикнула та и топнула ногой. — Скажите мне, где мама и папа!

Гувернантке потребовалось приложить невероятные усилия, чтобы заставить девочку покинуть гостиную. Ксения расплакалась, но гувернантка была неумолима.

— Я расскажу маме, как вы со мной обращаетесь! — крикнула Ксения, когда гувернантка, распахнув дверь детской, бесцеремонно втокнула внутрь девочку. Щелкнул замок, и Ксения поняла, что ее заперли.

Она попробовала барабанить в дверь, но это не помогло. Никто не откликнулся на ее крики, никто не обращал внимания на угрозы и не поддавался на просьбы. Надо же такому случиться — в собственный день рождения быть закрытой на ключ в комнате!

Она уснула в кресле и пришла в себя от того, что дверь, скрипнув, отворилась. Ксения, уверенная, что это родители, бросилась к порогу. Но вместо отца или мамы она увидела ненавистную гувернантку, которая держала в руках поднос.

— Где мои родители? — произнесла Ксения. — Что с ними?

Гувернантка, поставив поднос на столик, ответила ровным голосом:

— Ксения, вам необходимо поужинать.

— Я хочу знать, где мои родители! Прошу вас, скажите мне!

Гувернантка, делая вид, что ничего не понимает, выскользнула прочь и заперла комнату. Ксения так и не приоткрылась к еде. Ей стало очень страшно. Ливень за окном перерос в настоящую бурю. А над джунглями бушует тайфун. И самолет ее родителей попал в самый его эпицентр.

Ксения приложила ухо к замочной скважине. До нее доносились отдаленные голоса гувернантки и одной из служанок:

— Бедная девочка... Еще бы, такой шок... Но что я могу ей сказать? Мне велели ничего ей не сообщать... Но сомнений нет... С момента вылета из Каракаса прошло десять часов... Им потребовалось бы самое большее часа три с половиной, чтобы добраться до Эльпараисо... Я слышала, что топлива хватит только на шесть часов... А это значит...

— Ах, неужели с хозяевами что-то случилось? Я буду за них молиться! Их должны найти! Я не верю, что с самолетом что-то произошло! Они совершили аварийную посадку в джунглях. И несчастная Ксения — пережить такое в день рождения!

Ксения заплакала. Она не могла остановить слезы, рыдания душили ее. Почему о ее родителях говорят так, как будто надежды больше нет? Пусть все окажется дурным сном: стоит ей открыть глаза, и наваждение сгинет.

Девочке опять сделалось страшно. Мерцал ночник, в комнате царил полутьма. Ксения забралась на кровать и зажмурилась. Иногда ей казалось, что в комнате обитает чудовище, она слышала его вздохи и стоны. Отец говорил, что это — глупые страхи и чудовищ не бывает, но в тот день Ксения не знала, чему ей верить.

Когда она проснулась, в глаза ей ударило яркое солнце. Наступило утро, погода переменилась, гроза закончилась. Дверь открылась, возник дядя Николас. Он был все в том же костюме, что и накануне. Судя по всему, он так и не ложился спать.

— Доброе утро, Ксения, — произнес он. Девочка бросилась к нему:

— Дядя, что с моими родителями? Вы нашли их?

Дядя Николас нахмурился и ответил:

— Я же просил прислугу не посвящать тебя во все подробности... Ксения, мы исходим из того, что самолет твоих родителей... исчез.

Девочка зажмурилась. В фильмах или книгах, если самолет исчезал, то есть терпел крушение над джунглями, главные герои непременно выживали. А ее мама и папа были, вне всяких сомнений, главными героями. С ними ничего плохого не случится!

— К поискам твоих родителей подключилось Министерство внутренних дел, — продолжал дядя Николас. — Обещаю тебе, что в ближайшие часы их самолет будет найден и они окажутся снова вместе с нами!

Ксения отчего-то не верила дяде. Он вещал ненатуральным бодрым тоном и старался не смотреть ей в глаза.

— Тебе лучше всего находиться в своей комнате, — тоном, не терпящим возражений, заявил дядя Николас. — Когда мы узнаем что-нибудь новое, то немедленно сообщим тебе.

Он вышел прочь, и в двери щелкнул замок. Ксения усеялась на кровать. Как бы ей хотелось, чтобы ее день рождения никогда не наступал! Чтобы родителям не потребовалось лететь в Венесуэлу, чтобы она не осталась одна в Эль-Параисо.

Они вернуться, она это знала. Стоит набраться терпения, и родителей найдут — конечно же, живых и невредимых. По-другому и быть не может.

В глубине души Ксения, боясь признаться самой себе, уже не верила, что все будет именно так.

1 ОКТЯБРЯ

— Сеньора Сан-Донато ожидает вас. — Вышколенный дворецкий повел Феликса за собой.

Вот как живет, оказывается, наследница самой крупной изумрудной корпорации в мире! Ксения Сан-Донато обитала в огромном особняке в самом центре столицы небольшого южноамериканского государства Коста-Бьянка. И он специально прилетел из Москвы, чтобы взять у нее интервью.

Его нельзя было удивить роскошью или богатством — Феликсу доводилось бывать во дворцах, принадлежащих но-воиспеченным русским миллиардерам. По сравнению с обита-лищами многих из них особняк Ксении Сан-Донато, са-мой богатой женщины Южной Америки, чье состояние, со-гласно последним данным журнала «Форбс», приближается к семи миллиардам долларов, представлял собой скромный домик для гостей или охотничье бунгало. Три этажа, два-дцать восемь комнат, два бассейна и вертолетная площадка.

Интерьер особняка Ксении Сан-Донато был сдержан-ным: обстановка в стиле позднего классицизма, несколько картин (семейство Сан-Донато коллекционировало им-прессионистов), никакой бьющей в глаза роскоши.

Чтобы получить аудиенцию у самой богатой наследницы Коста-Бьянки, ему потребовалось приложить немалые уси-лия. Незадолго до двадцать пятого дня рождения Ксении многие журналы и телеканалы хотели бы побывать у нее дома и получить эксклюзивное интервью. Еще бы, всего че-рез несколько недель Ксения официально станет главой са-мой могущественной изумрудной корпорации и в соответ-ствии с завещанием ее погибших много лет назад родителей получит полный контроль над миллиардным состоянием.

Ему повезло: пресс-служба Ксении Сан-Донато дала со-гласие на встречу с наследницей. Не последнюю роль сыг-рало и то, что он — представитель далекой России, той са-мой страны, откуда в конце девятнадцатого века в экзотиче-скую Коста-Бьянку прибыла юная Ксения Самдевятова, основавшая изумрудную корпорацию. Труднопроизноси-мая для костабьянкцев фамилия Самдевятова претерпела изменения и превратилась в более привычную Сан-Донато. И нынешняя Ксения, правнучка той самой первой Ксении, согласилась встретиться с московским журналистом.

Дворецкий замер перед массивной дверью и, осто-рожно постучав и услышав голос хозяйки, ступил в каби-нет Ксении.

— Сеньора, прибыл господин Разумовский.

— Рауль, он может войти!

Посторонившись, дворецкий пропустил Феликса в свя-тая святых. Журналист изучил массу статей о Ксении. Ее называли не только самой богатой наследницей Южной

Америки, но и самой красивой. И это, как он мог судить, не было преувеличением.

Ксения Сан-Донато поднялась из-за старинного стола и вышла навстречу гостю. На ней был белый брючный костюм, темные волосы забраны в аскетичный пучок, на лице — минимум косметики, но она Ксении и не требовалась.

Наследница протянула журналисту руку; Феликс залюбовался ее бездонными зелеными глазами.

— Рада с вами познакомиться, — произнесла Ксения по-русски с легким грассирующим акцентом. — Господин Разумовский, чувствуете себя как дома!

Она указала журналисту на глубокое кожаное кресло, а сама вернулась к столу.

— Сеньора Сан-Донато, — произнес журналист, — во-первых, разрешите поблагодарить вас за то, что вы согласились встретиться со мной и ответить на мои вопросы. Читателям нашего журнала, одного из крупнейших в России, будет небезынтересно познакомиться с вами и историей вашей семьи!

— Мне еще не доводилось бывать в России, — сказала Ксения, — но в ближайшие месяцы я намерена наверстать упущенное. После того как я официально буду утверждена в должности президента корпорации, я намерена отправиться в Москву. Ваше правительство хочет обсудить детали возможного участия концерна Сан-Донато в финансировании проекта по освоению новых алмазных месторождений в труднодоступных районах Юго-Восточной Сибири.

— Значит, вскоре нам представится уникальная возможность встретиться с вами в русской столице, — улыбнулся Феликс.

Она понравилась ему. В ней чувствовалась порода. Он не знал, сколько в мире женщин, которые в возрасте неполных двадцати пяти лет стоят у руля крупного семейного предприятия. Итак, Ксения Сан-Донато закончила Эльпартисский университет, стажировалась в США, Великобритании и Франции. Молодая красавица, которая не тратит свою жизнь на бесконечные вечеринки, однообразные приемы и сомнительные развлечения. Молодая красавица, которая часто появляется в гламурных журналах или в ре-

портажах светской хроники, причем никогда в качестве персонажа скандала. Молодая красавица, которая намеревается выйти замуж за отпрыска богатого греческого семейства, владеющего танкерной флотилией.

— Не исключено: на данный момент моему пресс-секретарю поступило две или три дюжины заявок на интервью со мной во время поездки в вашу столицу, — ответила Ксения Сан-Донато.

Она взглянула на часы, и Феликс понял — наследница миллиардов не намерена тратить на него больше согласованных тридцати минут.

— Сеньора Сан-Донато, — начал журналист, — каково вам ощущать себя в роли одной из самых богатых женщин в мире?

Ксения подумала, что отдала бы все свои деньги и власть за то, чтобы ее родители остались в живых.

— Скажу честно, я привыкла к этому, — ответила она. — Многие уверены, что деньги дают свободу. К сожалению, в моем случае это не так. Ведь будь я обыкновенной девицей двадцати пяти лет от роду, выпускницей экономического факультета университета, только что начинающей карьеру в крупной корпорации, вы вряд ли бы захотели получить у меня интервью, господин Разумовский?

— Согласен, — подхватил журналист, — а как вы относитесь к тому, что в начале этого года единогласно были признаны самой элегантной и стильной женщиной Коста-Бьянки?

Ксении не было дела до шумихи вокруг ее имени в газетах.

— Мне льстит признание моих заслуг, — парировала она.

— Сеньора Сан-Донато, поведайте нашим читателям о своем семействе.

Ксения едва сдержала вздох разочарования. В который раз ей приходится пересказывать одно и то же. Причем версия для прессы значительно отличалась от реального положения вещей.

— Самолет моих родителей исчез во время грозы над джунглями почти семнадцать лет назад, — произнесла ровным голосом Ксения. — Это была настоящая трагедия. И без поддержки моих родственников я бы ни за что не смогла справиться с шоком, который пережила в те дни.

У моего отца, Максимилиана Сан-Дonato, имеются два брата — Николас и Лукас — и две сестры — Агата и Сильвия. Еще один брат моего отца, Габриэль, погиб много лет назад в автомобильной катастрофе. Кроме того, у меня есть кузен, сын дяди Николаса и тети Ингрид, Рудольф, и кузина Эрика, дочка тети Агаты.

Журналист что-то быстро записывал в большой блокнот. Когда Ксения замолчала, он произнес:

— Говорят, что на вашем роду лежит проклятие, своего рода плата за успех и богатство: в вашей семье произошло очень большое количество неестественных смертей, катастроф и несчастных случаев. Как мы знаем, самолет с вашими родителями исчез над джунглями семнадцать лет назад, и, несмотря на усиленные поиски, он так и не был обнаружен, что породило массу легенд...

— Например, что мои родители были похищены пришельцами? Или украдены мафией и после выплаты огромного выкупа убиты, что было скрыто нашей семьей от общественности? — заметила Ксения. Ее тон был веселым, но журналист почувствовал легкое раздражение.

— Хотя бы это, — вставил Разумовский. — Или взять так до конца и не выясненную гибель вашего деда Алекса-Стефана. А основательница изумрудной корпорации, ваша тетка Ксения, говорят, тоже умерла не своей смертью...

Ксении стоило больших усилий сдержаться. И как она могла поверить, что журналиста из далекой Москвы будут интересовать не старые сплетни и мифы. Хуже всего, что очень многие из этих историй имели место в действительности.

— Вы хотите узнать историю моей семьи? — спросила Ксения и поднялась из-за стола. Она подошла к стене, обшитой дубовыми панелями. Незаметное движение — и часть стены отъехала вбок, открыв проход в смежную комнату. — Господин Разумовский, вам повезло, вы первый из представителей средств массовой информации, который сможет попасть в семейный музей, — сказала Ксения и поманила за собой раскрывшего рот от изумления журналиста. — Строительство этого особняка было начато в 1901 году, — продолжала Ксения. — Моя прабабка Ксения сама спроектировала этот дом, поверьте мне, в нем предостаточно потайных комнат и хитроумных ловушек.

Они оказались в круглой комнате, на стенах которой висели портреты, а под ними виднелись стеклянные стеллы.

— Здесь хранятся наши семейные реликвии, — сказала молодая наследница. Она указала на один из стеллов, под стеклом которого тускло мерцали мелкие зеленые камни. — Это изумруды, которые нашла моя прабабка Ксения в тот памятный день 13 сентября 1896 года. Собственно, с этого и началось восхождение нашего семейства к вершинам славы и богатства.

Разумовский склонился над экспонатом.

— Они больше похожи на осколки бутылочного стекла, — признался журналист.

— А это, — Ксения держала в руке выцветший и пожелтевший лист бумаги, — тот самый знаменитый чек на пять миллионов, который выписала моя прабабка в кризисный 1908 год, — говорила Ксения. — Благодаря ему она стала полновластной владелицей корпорации, которая до сих пор находится в руках нашего семейства. Или, к примеру, револьвер, который спас моей прабабке жизнь, когда она подверглась нападению бандитов, — вещала юная миллиардерша.

— Подозреваю, что вы не позволите мне сделать фотографии этих потрясающих экспонатов, — произнес журналист.

Ксения покачала головой:

— Таково семейное правило — вообще-то вы не имели права находиться в этой потайной комнате, сюда имеют доступ только члены нашего рода.

Разумовский указал на один из портретов:

— Это, насколько я могу судить, и есть ваша знаменитая тетка Ксения, основательница изумрудной империи?

— Вы правы, — ответила правнучка.

С писанного маслом портрета на них смотрела молодая женщина, до чрезвычайности похожая на молодую Ксению. Прабабка молодой миллиардерши была облачена в черное шелковое платье, а вокруг тонкой шеи висели жемчуга.

— А это — портрет моего деда Алекса-Стефана и бабушки Марлены, и моих родителей Максимилиана и Веры... — говорила Ксения.

Разумовский в задумчивости посмотрел на женщин рода Сан-Донато. Что-то не давало ему покоя, и он наконец понял, что именно.

— Скажите, сеньора Сан-Дonato, отчего ни одна из представительниц прекрасного пола вашего семейства, начиная с вашей замечательной прабабки и заканчивая вами, не носит изумруды? Ведь было бы вполне естественно, что этот камень, сделавший ваш род столь богатым, должен быть любимым женщинами и мужчинами по фамилии Сан-Дonato.

Ксения на секунду замерла. Нет, он не может ничего знать об этом!

— Ах, это не более чем случайность, — ответила она. — Мой любимый камень — сапфир.

— А говорят, что это из-за некоей темной истории, то ли проклятия, то ли кровавой трагедии, которая сделала изумруд роком вашей семьи. Из-за этой истории вы обретете все сокровища мира, но подвергнете себя невероятной опасности...

— Какая чушь! — воскликнула Ксения, и Разумовский понял, что попал в цель. Молодая наследница вздрогнула, и на секунду в ее глазах мелькнул страх.

— А ваша матушка, как опять же говорят, в день своего исчезновения в первый раз надела изумруды. Во всяком случае, на старой фотографии, которая запечатлела Веру Сан-Дonato во время открытия детского приюта в Каракасе за несколько часов до вылета в Эльпараисо, куда ни она, ни ваш отец так и не прибыли, можно увидеть, что шею вашей матушки украшают именно изумруды...

Ксения похолодела. Вырезка из старой газеты хранилась в сейфе, куда никто, кроме нее самой, не имел доступа. Журналист прав — мама в тот день надела изумруды — причем те самые камни, которые были найдены на одном из рудников их корпорации. Ксения часами смотрела на эту фотографию, с которой ей улыбались мама и отец. Те слова, услышанные ее прабабкой больше ста лет назад, — неужели они оказались пророческими?

— Ах, это все предрассудки и досужие домыслы! — вспыхнула Ксения. Не хватало еще, чтобы этот бесцеремонный русский журналист совал нос в семейные тайны. — Уверяю вас, что это не более чем совпадение! Нет никакой истории с проклятием и быть не может! И мне не известно ничего подобного!

Она говорила неправду. Ее прабабка Ксения оставила записи о том, как все начиналось. И там была история о проклятии, связанном с изумрудами. Но Феликсу Разумовскому необязательно знать об этом.

Осмотр семейного музея завершился. Оставалось пять минут, в течение которых пронырливый писака успел задать еще несколько вопросов.

— Сеньора Сан-Дonato, а вы не боитесь семейного проклятия? — спросил он, и в его темных глазах сверкнул огонь любопытства. — Ведь если проследить историю вашего рода, то можно убедиться: тот, кто считался главой клана, а вас можно причислить к подобным персонам, не умирал естественной смертью — ни ваша прабабка, ни ваш дед, ни ваш отец...

Ксения натужно рассмеялась. Иногда она думала о том, что семейное проклятие — это не выдумки. А если так, то оно рано или поздно проявит себя.

— Я не суеверна, — ответила она дерзко, и журналист подумал, что Ксения Сан-Дonato — самая привлекательная и смелая женщина из тех, кого ему приходилось встречать. — Я не боюсь судьбы, и даже если на секунду предположить, что проклятие существует, хотя уверяю вас, что это не так, то в отношении меня все злые чары бессильны. Можете так и написать в своем репортаже! Я не боюсь судьбы!

— Последний вопрос, сеньора Сан-Дonato: когда состоится ваше бракосочетание с Андреасом? Говорят, что это станет свадьбой года!

Ксения рассмеялась. Она взглянула на часы — тридцать минут истекли.

— В мои правила не входит распространяться о личной жизни, господин Разумовский, — ответила она. — Но для русских читателей я, так и быть, сделаю исключение. Вы правы — я очень счастлива, и моя свадьба состоится в конце этого года.

— Значит, вы не боитесь рока? — произнес со странной улыбкой журналист. — Не опасаетесь, что ему может не понравиться ваша молодость, богатство и постоянный успех, который сопутствует вам? Не страшитесь судьбы ваших предков?

— Господин Разумовский, вы же сказали, что предыдущий вопрос — это последний, — прервала его с холодной улыбкой Ксения. Она протянула журналисту руку. — Была рада познакомиться с вами. К сожалению, у меня великое множество дел. Если вам требуются фотографии, свяжитесь с моей пресс-службой. Всего хорошего!

Феликс Разумовский настойчиво повторил свой вопрос:

— Но все же, сеньора Сан-Дonato, не опасаетесь ли вы, что ваше благополучие в любую секунду может исчезнуть? Ведь богатство, власть и счастье — не более чем иллюзия.

— Ах, я не боюсь мести коварной фортуны, — заверила его Ксения. — И если на то пошло, то я бросаю ей вызов. Да, да, можете так и озаглавить свою статью: «Ксения Сан-Дonato бросает вызов судьбе». Я никому не позволю вмешиваться в мою личную жизнь, будь то человек или провидение.

Разумовский, замерев на пороге, проронил:

— Но иногда, сеньора Сан-Дonato, случаются события, которые полностью изменяют наше представление о реальности. События, которые мы не в состоянии изменить. Обстоятельства страшные, которые нельзя предвидеть. И фортуна, насколько мне известно, а поверьте, мне пришлось повидать кое-что в жизни, не любит, когда ей бросают вызов.

— Вы так считаете? — Ксения Сан-Дonato сузила глаза и упрямо выпятила подбородок. — Я не боюсь повторить — я бросаю вызов судьбе! Я знаю, что моему счастью ничто и никто не помешает! Прощайте, господин Разумовский!

Журналист распахнул дверь и столкнулся нос к носу с дворецким, который полчаса назад привел его в кабинет Ксении Сан-Дonato. Неужели этот тип ждал тут все время? Феликс последовал за дворецким, который, проводив его к выходу, пожелал ему хорошего дня.

Разумовский покинул особняк Ксении Сан-Дonato. Миновав витую ограду, он обернулся — ему показалось, что портьеры в одной из комнат колыхнулись и фигура, облаченная во все белое, отпрянула от окна. Молодая наследница наблюдает за ним? Или это была не Ксения-младшая, а ее прабабка, легендарная Ксения-старшая. Но что за чушь, та умерла много лет назад!

Он не боялся призраков и потусторонних сил, потому что знал — если они и существуют, то не смогут причинить ему вреда. Он получил то, что хотел. Интервью выйдет превосходным. И все же... Ксения Сан-Дonato исходила из того, что они никогда больше не увидятся. Он же был другого мнения.

Автомобиль ждал его на одной из соседних улиц. Феликс Разумовский швырнул блокнот с записями на заднее сиденье. В его профессии одна из заповедей — никогда не проникаться сочувствием по отношению к тем, у кого он брал интервью. Потому что тогда он утратит холодную голову, а это может привести к непредсказуемым результатам.

И все же она нравилась ему. Ксения Сан-Дonato была уверена, что ничто не помешает ей стать счастливой. Еще бы — через несколько недель она официально получит миллиардное состояние, а в конце года состоится помпезная свадьба с сыном греческих владельцев танкерного флота.

Разумовский знал: судьба бывает коварной и предпочитает наносить удар в тот момент, когда ты менее всего ожидаешь этого. Ему приходилось несколько раз сталкиваться с подобными прихотями капризной старухи. И каждый раз это едва не заканчивалось для него трагически.

Шестое чувство подсказывало ему — Ксению Сан-Дonato в ближайшее время ожидает не легкая праздная жизнь, полная неги, а нечто иное. Она не хочет признаться самой себе, что боится. Он прочел страх в ее глазах, когда задал ей вопрос о семейном проклятии. Это значит, что Ксения верит в него.

Журналист отправился в небольшой отель, где снимал одноместный номер. Он узнал все, что хотел. Следуя совету молодой миллиардерши, он свяжется с пресс-службой корпорации Сан-Дonato. Ему потребуется несколько дней, чтобы написать интересное интервью. Ксения уверена, что в конце года, уже замужней дамой, нанесет визит в Москву. Но ведь все может произойти, и не исключено, что ее планам не суждено исполниться.

Судьба, как знал журналист, не любит тех, кто бросает ей вызов. А Ксения Сан-Дonato только что сделала это.

Ксения попыталась сконцентрироваться и в который раз перечитала первые строчки меморандума, представленного ей одним из вице-президентов корпорации. Речь шла о новом месторождении высококачественных изумрудов, обнаруженном в горах.

Она отложила бумаги и подошла к окну. С последнего этажа башни Сан-Донато, как окрестили стрелу небоскреба из темно-зеленого стекла, открывался потрясающий вид на город и океан.

Неужели русский журналист прав и с судьбой нельзя шутить? Значит ли это, что ей предстоит столкнуться лицом к лицу с некой таинственной силой, которую ее прабабка Ксения именовала «семейным проклятием». Родители, насколько Ксения помнила, никогда не говорили об этом. Хотя отец как-то обмолвился, что его бабка, Ксения-старшая, заплатила за право обладания богатством и могуществом слишком большую цену. Тогда Ксения не спросила его, что это значит, а теперь было слишком поздно. В записях прабабки есть непонятные смутные намеки на некое преступление, которое она совершила в юности. И преступление это связано самым непосредственным образом с изумрудами — камнями, которые дали их семье все, о чем можно только мечтать.

Ксения помнила наизусть статью из столичной газеты пятидесятилетней давности — вырезка хранилась в фамильном музее: *«Вчера, 27 мая 1959 года, в почтенном возрасте восьмидесяти трех лет скончалась Ксения Сан-Донато, основательница и глава одноименного концерна. Ее тело было обнаружено в саду ее особняка в кресле-качалке. Согласно заключению врачей, сеньора Сан-Донато, которую считают самой богатой женщиной Южной Америки и одной из самых состоятельных особ в мире, стала жертвой сердечного приступа, который, по всей видимости, застиг ее во время послеобеденного сна или в момент пробуждения. Однако утверждают и иное — Ксения, как и два ее мужа и единственный сын Алекс-Стефан, пала жертвой «изумрудного проклятия». По словам одного из слуг, имя которого мы не можем назвать по известным причинам, лицо покойной было искажено гримасой небывалого ужаса, а на одежде обнаружили странные черные волоски. Не исключено, что Ксения Сан-До-*

нато была внезапно разбужена атакой неизвестного животного, что и повлекло за собой трагическую развязку...»

Ксения знала: женщинам из рода Сан-Дonato нельзя носить изумруды. Эти камни, благодаря которым они вошли в когорту богатых и знаменитых, являются для них табу. Ее прабабка в своем завещании специально оговорила этот пункт — никто из родственников и ни при каких обстоятельствах не должен надевать изумруды, в особенности если они были добыты на шахтах, принадлежащих их семье. Ксения-старшая не углублялась в разъяснения, это был ее наказ потомкам, который требовалось неукоснительно соблюдать. Прабабушка в последние годы жизни стала чудачить и вроде бы помутилась рассудком. И кто знает, чем является в действительности это положение завещания — предупреждением о грозящей опасности или идеей фикс пожилой дамы.

Ни один из тех, кто считался главой их семейства, не умер естественной смертью. Отец с мамой пропали без вести, и Ксения в течение долгих лет питала слабую надежду, что они вернуться в Эльпараисо — живыми и невредимыми. Она знала, как иллюзорна подобная мысль. Эксперты, которые анализировали причины авиакатастрофы (а сомневаться не приходилось — в день восьмого дня рождения Ксении ее родители погибли), единодушно склонялись к выводу, что из-за неблагоприятных погодных условий мама и отец не смогли достичь столицы и нашли смерть вдали от родного дома.

В самолет могла ударить молния, могли отказать приборы, или пилот не справился с управлением, хотя он был одним из лучших в стране, на Сан-Дonato работали только суперпрофессионалы. Ксения помнила досье пилота наизусть — Родриго Лопес, тридцать восемь лет, раньше служил в Военно-морских силах республики Коста-Бьянка, майор в отставке, воздушный ас, летал на истребителе, затем пять лет служил в авиакомпании «Costa Bianca Airlines» и работал на правительство, управляя президентским самолетом. Отец не жалел денег, когда речь шла о том, чтобы заполучить гениального инженера, удачливого менеджера или, как в этом случае, легендарного пилота.

Она помнила Родриго — высокий лысеющий весельчак с военной выправкой. Он не раз попадал в экстремальные ситуации, и каждый раз ему удавалось выходить из переделок без единой царапины. Его психологический тест свидетельствовал: Лопес никогда не будет рисковать, если ситуация не вынуждает к этому; и если бы погодные условия были неблагоприятными, он бы ни за что не поднял самолет с ее родителями в воздух.

Ксения обратилась в Центральное метеорологическое агентство Коста-Бьянки, и ей предоставили детальную сводку погоды за ту неделю, когда пропал самолет. В столице бушевала буря, но она была не особенно сильной, над джунглями, где пролегалла воздушная трасса Каракас—Эль-параисо, лил дождь, но это не могло привести к катастрофе!

Родриго Лопес справлялся и не с такими ситуациями, однажды он пересекал Бермудский треугольник и, как сказано в секретном отчете Военно-морских сил, раздобыть который Ксении стоило большого труда даже с учетом ее влияния, попал в странный туман. Приборы словно сошли с ума, крутились во все стороны, один двигатель отказал, и самое страшное, как потом на допросе показывал Лопес, на какое-то время он не мог понять, в какой стороне находится океан. Серая мгла окружала его со всех сторон, она вползла в кабину и не только дезориентировала, но и вызвала внезапную атаку беспричинного страха. Родриго думал, что его постигнет судьба многих других несчастных, кто оказался в роковой час в этом странном месте, — самолет, потеряв управление, рухнет в океан.

Туман рассеялся так же внезапно, как и появился. Снова засияло солнце, приборы заработали, и Родриго с ужасом увидел, что до блестящей поверхности океана не более двухсот метров, хотя до этого он находился на высоте семи километров. В самый последний момент ему удалось выйти из мертвой петли, и это происшествие послужило причиной того, что он принял предложение авиакомпании и уволился из армии.

И даже в подобной ситуации, когда все обстоятельства были против него и кто знает, что именно поджидало Родриго — бездонный океан или иное измерение, — он не потерял головы и сумел найти выход из кризиса.

Так почему же Родриго, как уверяют эксперты, не справился с управлением во время перелета из Венесуэлы в Коста-Бьянку? Родители тоже не были склонны к риску, и они бы никогда не заставили пилота отправиться в рейс, если бы знали, что погода неблагоприятна.

Ксения понимала, что ее желание отыскать истину превратилось в манию. Сначала она не хотела верить, что ее родители погибли, хотя все родственники, кто утешающим тоном, а кто и с легкой улыбкой, говорили, что надежды не осталось. Адвокатская фирма, которая представляла частные интересы Максимилиана и Веры Сан-Дonato, огласила бумагу, которую мама и отец оставили на подобный случай. Ксения не могла поверить, что они каким-то непостижимым образом предвидели свою гибель. Юристы уверяли ее, что это не так, и бумага была составлена сразу же после появления на свет самой Ксении, и в ее содержании нет ничего пророческого или необычного. И все же Ксения не могла отделаться от мысли, что родители были готовы к подобной трагической развязке. Тогда-то она и подумала, что семейное проклятие, которое, казалось, сгинуло вместе с гибелью ее дяди Габриэля, снова пробудилось к жизни.

Она помнила тот душный день: с момента исчезновения самолета с родителями прошло двенадцать суток. Спасательные работы, в которых принимали участие представители армии (ее отец был другом президента — вне зависимости от того, кто именно занимал эту должность и какой по счету переворот или путч случался в столице), были завершены. Средства массовой информации, которые в течение почти двух недель только и сообщали, что об исчезновении самой могущественной пары страны, уже не вели речь о том, что Максимилиан и Вера Сан-Дonato могли остаться в живых. Сначала никто не решался сказать, что они погибли, выходили репортажи и газетные статьи, в которых описывались реальные случаи — люди выживали в джунглях в течение многих месяцев. Наконец кто-то первым намекнул, что чета Сан-Дonato погибла.

Поэтому дядя Николас и настоял на том, чтобы адвокаты родителей прибыли в эльпараисский особняк и привезли с собой конверт с сургучной печатью, вскрыть который требовалось в случае непредвиденных обстоятельств. Законники сочли, что исчезновение самолета с их клиентами

подпадает под категорию «непредвиденные обстоятельства», и приняли решение огласить содержимое конверта.

Ксения помнила: все родственники собрались в Круглой гостиной, которую никогда не использовали — мебель была накрыта чехлами, огромная люстра, свисающая с потолка, запылилась, и слуги сбивались с ног, чтобы в течение часа привести стоявшую закрытой в течение многих лет комнату в божеский вид. Ксения как-то спросила у мамы, почему Круглая гостиная всегда заперта, и та пояснила: оказывается, деда Ксении нашли мертвым именно там. Он лежал на полу в луже крови.

Ксения смотрела на пол, тщетно стараясь отыскать темное пятно — остатки крови. В центре гостиной возвышался огромный овальный стол, вокруг него — дюжина массивных стульев. Она была единственным ребенком, ее кузен и кузина не были сюда допущены. Ксении так хотелось, чтобы кто-то из взрослых, удивленно подняв брови, велел и ей выйти прочь отсюда. Но этого не произошло — несмотря на свои восемь лет, она прекрасно понимала, что все солидные дяди и тети собрались здесь ради нее и именно она, а не кто-то другой, была главным действующим лицом происходящего.

Раздвижные двери Круглой гостиной захлопнулись, вспыхнула старинная люстра с гранеными подвесками из богемского хрусталя, которую прабабка купила в Европе у разорившегося венгерского князя. Ксении сделалось страшно. Раньше, если она и присутствовала на подобных собраниях, то всегда сидела на коленях у отца или около мамы, а однажды (она была совсем несмышленьшем) Ксения ползала под столом, за которым сидели важные люди, щипала и кусала их за ноги, и все эти могущественные личности, управляющие миллиардами и владеющие миллионами, безропотно, мило улыбаясь или натужно хихикая, сносили проделки самого богатого ребенка на свете.

В этот раз все было иначе — Ксения, облаченная в неудобное клетчатое платье, которое ужасно жало под мышками и натирало жестким воротничком шею, уселась на огромный стул и заметила, что взрослые бросают на нее взгляды — кто полные любопытства, кто злорадства или сочувствия. Ксении было не по себе, ее так и подмывало выбежать прочь из этого помещения, больше похожего на

могильный склеп, или хотя бы завизжать, зажав уши руками. Но что тогда подумают о ней все эти одиннадцать взрослых — ее дяди и тетки, адвокаты, менеджеры родительской корпорации?

Она, боясь откинуться на спинку стула, так и замерла в неудобной позе. Ксения понимала, что ничего хорошего эта встреча ей не сулит. Она видела напряженное бородастое лицо дяди Николааса, державшего во рту незажженную трубку, рядом с ним замерла его супруга, белокурая тетья Ингрид, — она отчего-то кусала губы и теребила бриллиантовое ожерелье. Тетья Агата, с растрепанной прической, в платье ядовито-зеленой расцветки с желтыми разводами, приободряюще улыбнулась Ксении, но это не помогло. Была и тетья Сильвия — грациозная, высокая, как всегда, безукоризненно-элегантная: Ксении всегда казалось, что от нее веет холодом. Тетья Сильвия была известным нейрохирургом. Подле нее, развалившись в кресле, сидел дядя Лукас — в помятом шелковом пиджаке фиолетового цвета, воротник бордовой рубашки был засален, лицо его покрывала трехдневная щетина, а глаза, как обычно, были красными — ни для кого не было секретом, что младший из третьего поколения Сан-Дonato любил приложиться к бутылке и принимал наркотики. Дядя Лукас нравился Ксении — когда он появлялся в особняке ее родителей, что происходило нечасто, так как отец не выносил младшего брата, а тот либо навещал его, чтобы потребовать денег, либо приносил ей с собой подарки — смешных кукол, запращенные сладости или забавную безделушку.

— Дамы и господа! — провозгласил представитель адвокатской фирмы, худой господин с белоснежной гривой волос, в безукоризненном черном костюме. — Трагические обстоятельства последних дней принуждают нас, в полном соответствии с волей сеньора Максимилиана и сеньоры Веры Сан-Дonato, предать огласке их распоряжения, которые они оставили на случай непредвиденных обстоятельств.

— Вы прочтете нам их завещание? — подала голос тетья Сильвия. У нее было приятное грудное меццо-сопрано.

— Нет, сеньора Сан-Дonato, — ответил адвокат, — завещание вашего брата и его супруги, согласно законам на-

шей республики, может быть оглашено только в том случае, когда они будут признаны умершими...

Ксения вздрогнула и почувствовала, что слезы наворачиваются у нее на глаза. Она зажмурилась и вонзила ногти себе в коленку — она не имеет права плакать! Что тогда скажут о ней взрослые, которые собрались в Круглой гостиной ради нее, наверняка сочтут, что девчонка плохо воспитана и не умеет контролировать свои эмоции.

— А это может произойти только в том случае, — вещал адвокат, не обращая внимания на Ксению, — если будут обнаружены их тела...

Дядя Николас вынул изо рта незажженную трубку, взмахнул ей и сказал:

— Предположим, только предположим, что самолет с моим братом и золовкой никогда не будет найден. Или будет найден только спустя некоторое время. Что делать тогда? Максимилиан является председателем совета директоров и президентом корпорации, без него работа будет парализована...

— Уж говори яснее, — произнес хрипло дядя Лукас. — Николас, душка, ты хочешь сказать, что работа по пополнению твоего счета в банке будет затруднена до того момента, пока Максимилиан не будет признан покойником?

Тетя Ингрид метнула злобный взгляд в сторону дяди Лукаса, и даже Ксения поняла, что она не выносит брата своего супруга.

Кашлянув и тем самым призвав родственников к порядку, адвокат пояснил:

— Чтобы кто-либо был объявлен мертвым с точки зрения закона, потребуется семь лет — если в течение этого срока не появятся доказательства того, что эти персоны все еще живы, они будут признаны погибшими.

— Семь лет! — вскричала тетя Ингрид.

Она говорила по-испански с сильным шведским акцентом, но Ксения знала, что тетка притворяется. Если ситуация того требовала, она могла тараторить на чужом языке с огромной скоростью и без малейшего акцента. Но, видимо, сейчас она вдохновенно играла роль мало что понимающей иностранки.

— Не больше и не меньше, сеньора Сан-Дonato, — подтвердил адвокат. — Но мы исходим из самого неблагоприятного развития событий. Будем же надеяться, что сеньор и сеньора Сан-Дonato отыщутся в самое ближайшее время в полном здравии.

Ксения поняла, что никто из взрослых, сидевших за столом, не верит в это. Она буквально почувствовала мысли — они все не сомневались в том, что ее родители погибли. Более того, они страстно желали этого! Девочке сделалось страшно.

Тем временем адвокат, нацепив на нос очки, при помощи позолоченного ножа вскрыл конверт.

— *«Мы, Максимилиан и Вера Сан-Дonato, оставляем распоряжения на тот случай, если наша гибель не может быть установлена с прямой достоверностью. Если на этот момент наша дочь Ксения не достигнет двадцати пяти лет, то до этого срока надлежит создать опекунский совет, в который должны войти Николас и Сильвия Сан-Дonato и три адвоката. Этот совет будет обладать правом распоряжаться нашим имуществом, которое должно быть передано в полное и безоговорочное владение нашей дочери Ксении в тот день, когда ей исполнится 25 лет...»*

Ксения плохо помнила все витиеватые и сложные для понимания казенные фразы, которыми пестрело послание ее родителей. Она видела, с каким вниманием все присутствующие слушают адвоката.

— Поздравляю, племянница, согласно этой бумажке ты станешь самой богатой наследницей в Коста-Бьянке, — пробормотал дядя Лукас, когда адвокат завершил чтение.

Ксении показалось, что его слова полны горечи и раздражения. Но ведь дядя Лукас был всегда так добр к ней!

Но не только дядя Лукас изменил к ней отношение. Ксения ощутила, что для всех она из прежней «малышки Ксении» превратилась в значимую персону. Она помнила вопрос, который задала тетя Ингрид:

— А что случится, если наша дорогая Ксения... не сможет стать наследницей? — проронила она.

Тетя Сильвия резко спросила:

— Отчего это она не сможет стать наследницей, Ингрид? Что способно этому помешать?